

УДК 343.2

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА БЕЗДЕЙСТВИЯ
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА
(по материалам уголовного законодательства
Республики Беларусь)**

Р.Н. Ключко

Аннотация

В статье анализируются в ретроспективном аспекте признаки состава преступного бездействия должностного лица (статья 425 Уголовного кодекса Республики Беларусь), претерпевшие многократную трансформацию. Произведенный анализ позволил выявить проблемы уголовно-правовой регламентации признаков бездействия должностного лица и их толкования, связанные с бланкетностью диспозиций и использованием большого числа оценочных признаков.

Ключевые слова: бездействие должностного лица, интересы службы, служебные обязанности, правовой статус должностного лица.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации умышленное бездействие должностного лица органа государственной власти или местного самоуправления может трактоваться как одна из форм злоупотребления должностными полномочиями, за исключением бездействия в форме неисполнения сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1) и уклонения от предоставления информации (документов, материалов) Федеральному собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287). Злоупотребление полномочиями, вызванное бездействием лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, при наличии всех признаков состава преступления квалифицируется по ст. 201 УК РФ (при отсутствии признаков специальных составов преступлений).

Белорусский законодатель пошел по иному пути. Во-первых, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ) 1999 года не дифференцируется уголовная ответственность должностных лиц учреждений, предприятий, организаций в зависимости от формы их собственности; во-вторых, предусматривается самостоятельный общий состав умышленного бездействия должностного лица, признаки и ответственность за которое устанавливаются ст. 425.

Проанализируем в ретроспективном аспекте многократную трансформацию признаков бездействия должностного лица в белорусском уголовном законода-

тельстве и остановимся на характеристике содержания наиболее сложных из них в соответствии с нынешней редакцией ст. 425 УК РБ.

Умышленное бездействие должностного лица до 1 марта 1994 г. уголовным законодательством Республики Беларусь в качестве самостоятельного состава преступления не моделировалось, образуя наряду с активными действиями одну из форм объективной стороны злоупотребления властью или служебным положением (ст. 166 УК РБ 1960 года). Законом Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь и некоторые другие законодательные акты Республики Беларусь» № 2827-ХІІ в УК РБ 1960 года была введена ст. 166-1, которая предусматривала ответственность за бездействие власти.

Первоначальная редакция ст. 166-1 УК РБ 1960 года бездействие власти определяла как «умышленное несовершение или ненадлежащее совершение *представителем власти*¹ служебных действий, которые он должен был и мог совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, если это повлекло причинение крупного ущерба либо существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам либо было сопряжено с попустительством преступлению» [1, с. 123]. Таким образом, законодатель выделил, по сути, специальный вид злоупотребления властью или служебным положением, субъектом которого признавалась такая категория должностных лиц, как представители власти. Причем если злоупотребление предполагало использование должностным лицом своего *служебного положения* вопреки интересам службы, то бездействие – неисполнение конкретных *служебных обязанностей*, что также давало основания для оценки состава бездействия власти как специального по отношению к злоупотреблению властью или служебным положением.

Ответственность представителей власти за пассивную форму поведения, образующую признаки уголовно-противоправного бездействия, в отличие от ответственности за злоупотребления, могла наступать и при отсутствии общественно-опасных последствий, когда бездействие было сопряжено с попустительством преступлению. Однако то, что обязательным признаком бездействия власти не являлось наличие корыстной или иной личной заинтересованности, признаваемое на тот момент альтернативным криминообразующим признаком злоупотребления властью или служебным положением, ставило под сомнение специальность вновь введенного состава бездействия власти, что порождало проблемы при уголовно-правовой оценке бездействия должностного лица. Более того, анализ признаков нового состава бездействия власти позволял констатировать, что за несовершение либо ненадлежащее совершение служебных действий представителем власти предусматривались гораздо более широкие основания для возникновения уголовной ответственности, чем за злоупотребление властью или служебным положением представителем власти, совершенное путем активных действий.

Законом Республики Беларусь от 26 июня 1996 г. № 489-ХІІІ в статью 166-1 УК РБ 1960 г. вносятся изменения, в соответствии с которыми бездействием власти признается «умышленное неисполнение или ненадлежащее исполнение

¹ Здесь и далее по тексту в цитатах курсив наш.

должностным лицом действий, которые оно должно было и могло совершить *в силу закона* или возложенных на него служебных обязанностей, если это повлекло причинение крупного ущерба либо существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам либо было сопряжено с попустительством преступлению». Кроме того, ст. 166-1 была дополнена второй частью, которая устанавливала ответственность за то же деяние, совершенное должностным лицом, занимающим ответственное положение, а равно принятие таким лицом *мер, направленных на неисполнение закона подчиненными*. Указанные изменения расширили круг субъектов бездействия власти, отнеся к числу таковых должностных лиц любых категорий, а также позволили признавать одной из форм бездействия власти принятие должностным лицом, занимающим ответственное положение, мер, направленных на неисполнение закона подчиненными. Таким образом, законодатель, установив основания уголовной ответственности за бездействие *любого должностного лица*, определил более широкие границы для уголовно-правовой репрессии за *пассивную* форму поведения, чем за активную, выражающуюся в действиях по умышленному использованию должностным лицом своего служебного положения, в числе признаков которого сохранялся признак корыстной или иной личной заинтересованности. Такая трактовка признаков бездействия должностного лица вряд ли являлась обоснованной, что повлекло за собой очередную трансформацию признаков состава преступления.

Новый Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года ответственность за бездействие *должностного лица* установил статьей 425. Часть первая указанной статьи закрепляла прежние признаки основного состава бездействия должностного лица, часть вторая в качестве квалифицирующих признаков предусматривала корыстную или иную личную заинтересованность, а часть третья – бездействие занимающего ответственное положение должностного лица, повлекшее за собой тяжкие последствия. При этом признаки бездействия должностного лица, кроме формы объективации деяния, практически зеркально отражали признаки злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК РБ). Части первые ст. 424 и 425 УК РБ устанавливали признаки преступлений, не относящихся к числу коррупционных (корыстная или иная личная заинтересованность как признак субъективной стороны основных составов не предусматривалась). В первоначальной редакции указанных статей нового УК основные составы злоупотребления властью или служебными полномочиями и бездействия должностного лица относились к числу преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-3 категории преступлений, признаки которых были закреплены в первых частях ст. 424 и 425 УК РБ, были изменены путем внесения изменений в соответствующие санкции: верхний предел наказания в виде лишения свободы был повышен с двух до трех лет. Таким образом, неквалифицированные виды злоупотребления властью или служебными полномочиями и бездействия должностного лица были отнесены к разряду менее тяжких преступлений, посредством чего была усилена уголовно-правовая репрессия за их совершение.

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2007 г. № 264-З в ч. 1 ст. 425 УК РБ были внесены существенные изменения, которые затронули не только содержание санкций, предусмотренных указанной статьей, но и признаки объективной стороны основного состава преступления. Редакция диспозиции ч. 1 ст. 425 УК РБ стала следующей: «умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению либо *повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки*, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (бездействие должностного лица)»¹.

Уголовный закон невыполнение указанных показателей признает последствием неисполнения должностным лицом служебных обязанностей, поэтому в каждом конкретном случае необходимо установить признаки умышленного неисполнения обязанностей должностным лицом при наличии реальной возможности их исполнить, которое и обусловило недостижение уровня прогнозируемых показателей по итогам отчетного периода. Как отмечает В.В. Марчук, «криминализация такого поведения в качестве преступного бездействия должностного лица порождает серьезную проблему обоснования уголовной ответственности. Неисполнение должностным лицом действий, которые оно должно было совершить, свидетельствует о том, что при этом варианте бездействия соответствующие показатели не были достигнуты в силу другой причины (причин), негативное воздействие которой должностное лицо не предотвратило. К таким причинам могут относиться обстоятельства объективного характера, на которые должностное лицо не в силах повлиять. <...> Кроме того, любая хозяйственная деятельность предполагает финансовые и коммерческие риски, которые допускают потенциальные отклонения фактического объема производства от ожидаемого показателя» [2, с. 281]. Соглашаясь с замечанием автора о наличии проблем конструирования в этой части ст. 425 УК РБ, остановимся на характеристике и других признаках состава преступления, которые вызывают наибольшие сложности при юридической оценке пассивного поведения должностного лица.

Объектом анализируемого преступления являются интересы службы, причем, в отличие от российского, белорусский уголовный закон, как указывалось ранее, обеспечивает равную охрану установленного законодательством порядка деятельности должностных лиц различных предприятий, учреждений, организаций, независимо от формы собственности и формы организации юридического лица. В качестве дополнительного объекта называются «любые отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц» [2, с. 272; 3, с. 13]. Указанной позиции придерживаются и российские ученые, выделяющие дополнительный объект преступлений против

¹ Порядок оказания поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. «О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям» (с изменениями и дополнениями, внесенными указами Президента Республики Беларусь от 4 августа 2006 г., 29 января 2007 г., 7 июня 2007 г., 30 июня 2008 г., 12 мая 2009 г., 13 сентября 2010 г., 9 октября 2010 г.).

интересов службы и признающие таковым здоровье, конституционные и иные права граждан, отношения собственности, законные интересы других организаций, государства и общества в целом [4, с. 53, 56; 5, с. 47, 105, 171, 203 и др.; 6, с. 12–13]. Не включаясь в дискуссию о наличии либо отсутствии дополнительного объекта преступлений против интересов службы, которая активно развернулась уже в 70–80-е годы XX в., позволим себе отметить следующее. Установленный порядок деятельности должностных лиц различных субъектов хозяйствования предполагает, безусловно, соблюдение прав и законных интересов граждан, государственных и общественных интересов, однако не во всех случаях при нарушении интересов службы им может причиняться *существенный* вред. Более того, последствия в виде *существенного* вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам являются одним из криминообразующих признаков объективной стороны состава преступления, выступающим одновременно в качестве альтернативного условия для привлечения должностного лица к *уголовной* ответственности.

С объективной стороны бездействие должностного лица характеризуется неисполнением должностным лицом вопреки интересам службы действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженным с попустительством преступлению либо повлекшим невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Законодательная конструкция объективной стороны бездействия должностного лица позволяет считать состав преступления формально-материальным. При этом законодатель закрепляет как конкретно определенные признаки объективной стороны анализируемого состава преступления, так и оценочные. К конкретно определенным относятся негативный признак «неисполнение действий, которые должностное лицо должно было совершить», а также такие позитивные признаки, характеризующие условия для привлечения субъекта к уголовной ответственности, как «попустительство преступлению» и «причинение ущерба в крупном размере», который определяется в примечании к главе 25 УК РБ как размер (ущерб) на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Для заключения о наличии в содеянном признаков объективной стороны состава бездействия должностного лица необходимо установить, что невыполненные им действия входили в круг его служебных обязанностей, с которыми он был ознакомлен в установленном порядке. Как верно отмечает В.В. Марчук, «объем и содержание служебных обязанностей должностных лиц определяется за пределами норм Уголовного кодекса» [3, с. 14]. Указанное свидетельствует о бланкетности диспозиций статьи 425 УК РБ и необходимости установления содержания невыполненной служебной обязанности в соответствии с требованиями, определенными в должностной инструкции. Например, лесничему Р. вменялось в вину преступное бездействие, так как он, являясь должностным лицом, не принял мер по своевременному установлению лесонарушителей, совершивших незаконную порубку леса, не составил административный протокол

об обнаружении факта незаконной порубки, что повлекло причинение крупного ущерба в размере 5 653 000 руб. и существенного вреда государственным интересам. Суд Барановичского района и г. Барановичи признал Р. невиновным и оправдал за отсутствием в его *действиях* состава преступления, так как сторона обвинения не указала, какие конкретно обязанности, предусмотренные Лесным кодексом и Инструкцией о порядке привлечения к ответственности за нарушение лесного законодательства, утвержденной Гослесхозом СССР 22 апреля 1986 г., Р. не выполнены. Несоставление им административного протокола и непринятие мер к своевременному установлению лесонарушителей не образует состава преступления, предусмотренного ст. 425 УК РБ [7, с. 41].

Однако одного лишь факта невыполнения возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности недостаточно для заключения о наличии признаков преступного деяния. У должностного лица должна иметься реальная возможность исполнить такую обязанность, при этом он должен быть осведомлен о наличии у него соответствующей обязанности. Более того, существенным в этой связи является то, что неисполнение действий, которые должностное лицо должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, противоречило интересам службы.

Такой признак объективной стороны бездействия должностного лица, как «вопреки интересам службы», является оценочным. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» от 16 декабря 2004 г. № 12 «совершенными вопреки интересам службы следует считать те действия (равно как и бездействие, предусмотренное ст. 425 УК) должностного лица по службе, которыми нарушаются требования законности и объективной необходимости при принятии решения в соответствии с возложенными на должностное лицо полномочиями» [8, с. 12].

При решении вопроса о наличии либо отсутствии *объективной необходимости* совершения тех или иных действий по службе в каждом конкретном случае предполагается установление наличия либо отсутствия в содеянном признаках обоснованного риска, исключающего преступность деяния, учитывая, что любой вид хозяйственной деятельности может быть сопряжен с определенной долей риска. Не может быть признано преступным бездействие должностного лица, если оно имело место во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданного в установленном порядке. Ответственность за допущенное бездействие в таком случае должно нести лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение. В реальных жизненных ситуациях перед подчиненным должностным лицом нередко встает необходимость выбора между исполнением обязательных для него приказа или распоряжения к действию и бездействием в виде их неисполнения в случае их заведомой незаконности. Противоречия, связанные с необходимостью соблюдения исполнительской дисциплины, необходимой в управленческой деятельности, и существованием угрозы различных видов ответственности за бездействие, приходится разрешать практически каждому должностному лицу в его практической деятельности. Однако, безусловно, необходимо руководствоваться презумпцией законности обязательных для подчиненного лица отданных в установленном порядке приказов

и распоряжений. Например, обязательным может являться для подчиненного должностного лица распоряжение об отстранении его от исполнения служебных обязанностей, исключающее ответственность за бездействие с его стороны.

К оценочным признакам объективной стороны состава преступления следует также отнести и «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а также «тяжкие последствия», закрепленные в качестве квалифицирующего признака бездействия должностного лица в части 3 ст. 425 УК РБ. Как отмечает В.Н. Кудрявцев, «в тех случаях, когда признак состава преступления является оценочным, суд не только должен установить совпадение фактических обстоятельств дела с этим признаком, но и прежде всего определить, что имеется в виду под самим этим признаком. Для того чтобы установить, например, является ли причиненный злоупотреблением властью ущерб *существенным*, необходимо в первую очередь решить, что мы вообще в современных условиях понимаем под “существенным ущербом”. Решение этого вопроса законодатель относит к компетенции юристов, применяющих закон» [9, с. 116–117]. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424–428 УК)» от 16 декабря 2004 г. № 12, при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, *существенным* (ч. 1 ст. 424 УК, ч. 1 ст. 425 УК, ч. 1 ст. 426 УК, ч. 1 ст. 428 УК), судам необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка [8, с. 12].

Как указано в обзоре судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428), именно причинение существенного вреда является обязательным элементом объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями. «Отсутствие существенного вреда дает основание квалифицировать деяния должностного лица как дисциплинарный проступок, а не как преступление» [7, с. 41]. Приведенное положение применимо и в отношении трактовки признаков бездействия должностного лица. В. Борков считает существенное нарушение законных интересов личности, общества и государства не следствием, а содержанием противоречащего интересам службы властного, организационно-распорядительного или административно-хозяйственного решения, указывая, что злоупотребление полномочиями и нарушение прав и интересов – это разные стороны одного явления (см. [10, с. 10; 11, с. 11]). Возможно, позиция автора обусловлена использованием российским законодателем при описании анализируемого последствия злоупотребления должностными полномочиями терминологической конструкции «*существенное нарушение* прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Однако, учитывая, что любое преступное деяние характеризуется признаком общественной опасности, подобная конструкция может вообще представляться избыточной, ведь для признания

любого деяния преступным требуется установление признака его общественной опасности, выражающейся в причинении существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Белорусский законодатель использует при описании аналогичного последствия терминологическую конструкцию «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», что предполагает не просто угрозу причинения вреда указанным общественным отношениям, а обязательное его причинение. Вместе с тем для признания злоупотребления властью или служебными полномочиями преступным деянием необходимо установление достаточной степени его общественной опасности, что также может быть основанием для постановки вопроса о признании избыточности анализируемого последствия в качестве самостоятельно закрепленного признака состава преступления. Учитывая, что дополнительным непосредственным объектом бездействия должностного лица являются отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц, *нельзя трактовать как причинение существенного вреда государственным или общественным интересам сам факт неисполнения вопреки интересам службы служебных обязанностей, умаляющий авторитет органа власти, управления либо организации*. Таким образом, нельзя отождествлять признаки деяния с признаками общественно опасных последствий, обусловленных совершением самого деяния. Деяние не может ни во временных рамках, ни по иным параметрам совпадать с последствием этого деяния.

Можно констатировать и наличие дискутируемой до сих пор в современной уголовно-правовой науке проблемы причиняющей способности преступного бездействия. Белорусский законодатель нередко связывает уголовную ответственность за бездействие с наступлением общественно опасных последствий, используя законодательную конструкцию «повлекшее причинение...». Указанное дает основание утверждать необходимость установления не только предусмотренных уголовным законом последствий, но и, с целью их вменения, осознания лицом наличия либо предвидение развития причинной связи между ними и проявленным бездействием. В ином случае можно вести речь лишь о чисто объективном вменении лицу предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий, ведь в преступлении с материальным составом в содержание вины входит психическое отношение лица к деянию и наступившим последствиям, а также причинам их возникновения. Однако не для всех материальных по конструкции составов преступлений в полном объеме определяющим содержание вины является психическое отношение виновного именно к последствиям.

От механического применения законодательной конструкции умысла для раскрытия содержания вины в любых преступлениях с материальным составом предостерегает А.И. Рарог, указывая, что «во многих случаях юридическим признаком, концентрирующим общественную опасность деяния, являются не указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы последствия, а сами запрещенные уголовным законом действия. Последствиям же законодатель придает значение признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, либо квалифицирующего признака, выполняющего функцию дифференциации

наказания» [12, с. 676]. Логическим завершением его рассуждений является вывод о целесообразности модернизации законодательной конструкции прямого умысла для использования при анализе вины в преступлениях с материальным составом. «Суть этой модернизации заключается в следующем: в случаях, когда предусмотренное законом последствие играет роль признака, *отграничивающего* преступление от иных правонарушений либо *дифференцирующего* ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был направлен на совершение *заведомо незаконных* действий (бездействия), характеризующих юридическую сущность преступления и выражающих его общественную опасность, то есть если виновный желал совершить эти действия. Иными словами, безусловным показателем прямого умысла следует признать *осознание* лицом *противоправного характера совершаемого деяния*» [12, с. 680–681]. Таким образом, автор ведет речь о показателе наличия прямого умысла, в качестве которого выступает осознание противоправности содеянного. Необходимо заметить, что предложения о включении в общую формулу вины осознания уголовной противоправности не раз высказывались учеными (см. [13, с. 35; 14, с. 189; 15, с. 331–333] и др.).

Особенностью уголовно-правового воздействия за бездействие должностного лица, о чем свидетельствует анализ содержания ст. 425 УК РФ, является наличие особых условий уголовной противоправности такого бездействия: это наступление предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий, за исключением бездействия, сопряженного с попустительством преступлению. Последствия преступного бездействия должностного лица, закрепленные в уголовном законе как признак объективной стороны состава преступления, выступают в качестве условия привлечения к уголовной ответственности либо условия ее дифференциации (если речь идет о тяжких последствиях, предусмотренных в ч. 3 ст. 425 УК РФ). В связи с этим определяющим при характеристике негативного психического отношения лица к установленному в обществе порядку поведения в случаях проявления пассивности является отношение к неисполнению возложенной на него обязанности. Именно психическое отношение к неисполнению возложенной на лицо обязанности совершения активных действий, включающее осознание ее содержания, прежде всего характеризует степень его отрицательного отношения к порядку поведения в обществе. Указанное обстоятельство предопределяет необходимость особого внимания в первую очередь к содержанию психического отношения субъекта к проявленному им бездействию и лишь во вторую очередь к последствиям им вызванным. Таким образом, заведомо незаконное бездействие, совершенное должностным лицом при наличии возможности исполнить возложенную на него служебную обязанность, как при сознательном допущении предусмотренных уголовным законом последствий, так и при безразличном к ним отношении следует признавать как учиненное с прямым умыслом. Желание наступления предусмотренных ст. 425 УК РФ общественно опасных последствий не должно признаваться обязательным признаком состава бездействия должностного лица.

Обязательными альтернативными признаками субъективной стороны бездействия должностного лица в соответствии с действующей редакцией ст. 425

являются корыстная или иная личная заинтересованность. В вышеназванном Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 12 определяется, что корыстная заинтересованность при злоупотреблении властью или служебными полномочиями, бездействии должностного лица, превышении власти или служебных полномочий «может выражаться в стремлении получить выгоду имущественного характера без незаконного безвозмездного обращения государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц (например, сокрытие образовавшейся в результате служебной халатности недостачи путем запутывания учета с целью избежать материальной ответственности). Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п.» [8, с. 13]. Такая размытая трактовка в Постановлении Пленума признака «личная заинтересованность» обусловлена его оценочностью, однако указанный признак все же требует более определенной трактовки. Личный интерес как признак субъективной стороны бездействия должностного лица следует рассматривать как пользу, выгоду только для должностного лица, не совпадающую с публичными интересами службы. Как справедливо подметил В.М. Хомич, «падение у представителей власти социально-психологической готовности (способности) и мотивации осуществлять публичные интересы свидетельствует об ослаблении публичной власти, что в условиях конкуренции интересов неизбежно приводит к замещению и подмене публичных интересов частными» [2, с. 24].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что законодательная трактовка бездействия должностного лица с использованием большого числа оценочных признаков может порождать существенные проблемы в правоприменении. Открытое игнорирование должностным лицом своих служебных обязанностей, выражающееся в их умышленном неисполнении, безусловно, требует применения соответствующих мер правового воздействия. Необходима адекватная юридическая оценка пассивности должностного лица, для формирования которой требуется не только четкое изложение в уголовном законе и однозначная трактовка признаков преступного бездействия должностного лица, но и четкая регламентация порядка служебной деятельности должностных лиц. «Можно создать лишь косвенный механизм воздействия на противоправно бездействующего, недостаточно активного субъекта или чиновника, использующего пробелы, коллизии и неопределенность нормативно-правовых положений как возможность “обходить” предписания закона. Куда труднее и важнее создать систему, позволяющую максимально четко и полно отобразить и реализовать на практике персональную правосубъектность государственных должностных лиц. Расщепить элемент коррупции можно, сосредоточив основное внимание на административном поле, устранив неправовые практики, гарантирующие эксплуатацию чиновниками полномочий государственной службы» [2, с. 36]. Учитывая особую бланкетность диспозиции части первой ст. 425 УК РБ, можно утверждать, что уголовно-правовая оценка бездействия должностного лица во многом зависит от четкости закрепления правового статуса соответствующего должностного лица. В свою очередь, точная регламентация должностных

обязанностей позволит правильно решать многие вопросы, связанные с установлением наличия либо отсутствия признаков анализируемого состава преступления в содеянном должностным лицом.

Summary

R.N. Klyuchko. Failure to Act of an Officer: A Retrospective Technical Analysis of Essential Elements of the Corpus Delicti (Based on the Criminal Legislation of the Republic of Belarus).

This article investigates essential elements of the criminal failure to act of an officer in the retrospective aspect based on the Article 425 of the Criminal Code of the Republic of Belarus taking into account their numerous transformations. We reveal the problems of criminal regulation of the elements of the failure to act of an officer and their interpretation and show that these problems are due to the blanket dispositions and the use of a great number of estimating factors.

Key words: failure to act of an officer, interests of service, official duties, legal status of an officer.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Принят Верхов. Советом БССР 29 дек. 1960 г.: Введен в действие с 1 апр. 1961 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 мая 1994 г.). – Минск: Репринт, 1994. – 208 с.
2. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / Под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.
3. *Марчук В.В.* Квалификация бездействия должностного лица // Вопр. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2008. – № 2 (24). – С. 12–23.
4. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 560 с.
5. *Аснис А.Я.* Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. – М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2005. – 401 с.
6. *Здравомыслов Б.В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М.: Юрид. лит., 1975. – 168 с.
7. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424–428 УК) // Судовы веснік. – 2005. – № 1. – С. 39–43.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424–428 УК)» от 16 дек. 2004 г. № 12 // Судовы веснік. – 2005. – № 1. – С. 11–13.
9. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 2006. – 302 с.
10. *Борков В.* Существенность нарушения правоохраняемых интересов при квалификации должностного злоупотребления // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 8–13.
11. *Борков В.* Недостатки конструкции состава должностного злоупотребления как причина проблем правоприменения // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 11–14.
12. *Рарог А.И.* Субъективная сторона преступления // Энцикл. уголовного права. – СПб., 2005. – Т. 4. Состав преступления. – С. 629–787.

13. *Лунеев В.В.* Субъективное вменение // Уголовное право: новые идеи. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – С. 26–43.
14. *Саркисова Э.А.* Уголовное право. Общая часть. – Минск: Тесей, 2005. – 592 с.
15. *Герцензон А.А.* Уголовное право: часть общая. – М.: Изд-во ВЮА, 1948. – 496 с.

Поступила в редакцию
16.03.11

Ключко Римма Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Беларусь.

E-mail: *kln.grodno@tut.by*